

ЛЕГЕНДА О ТРЁХ ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕССАХ

В старые времена правил в Гранаде монарх по имени Мохамед, которого его приближённые называли *El Hayzari*, то есть – Левша. Некоторые говорят, что он был назван так, потому что владел лучше своей левой рукой, чем правой; другие – потому что он был склонен братья за дело не с того конца и портить всё. И правда, то ли по несчастью, то ли по неумению, но его всегда преследовали неприятности: трижды его свергали с трона, и, в одном из случаев, ему едва удалось бежать, переодетым в рыбака, в Африку и спасти, таким образом, свою жизнь.

И тем не менее, он был настолько же храбр, насколько опрометчив, и, хотя и был левшой, он так искусно владел своей кривой саблей, что, в результате тяжёлой борьбы, ему каждый раз удавалось отвоевать свой трон. Однако, вместо того, чтобы учиться у своих противников мудрости, он становился всё более надменным и жестоким. Все злобные черты человеческой природы, которые он развил в себе и в своём царстве, можно изучить, погрузившись в изучение анналов арабской истории Гранады; настоящая же легенда касается лишь его личной жизни.

Итак, однажды, когда Мохамед скакал во главе свиты своих придворных вдоль подножия гор Эльвиры, он встретился с отрядом всадников, только что совершившим набег на христианские земли. Они вели длинную вереницу мулов, нагруженных добычей, и множество пленников обоих полов, среди которых в глаза монарху бросилась одна прекрасная дева. Она была богато одета и ехала на небольшой лошадке, плача и не внимая утешениям дуэньи, ехавшей рядом с ней.

Монарх, поражённый её красотой, спросил о ней у начальника войска и узнал, что она была дочерью мэра одной из разграбленных пограничных крепостей. Мохамед потребовал её себе как королевский трофей, и она была доставлена в его гарем в Аламбре. Там всё было сделано для того, чтобы отвлечь её и утешить её печаль, а монарх, чувствуя себя всё более и более влюблённым, стал искать её руки, чтобы сделать своей султаншей. Сначала испанская девушка отвергла его притязания: он был неверным, он был открытым врагом её страны и, что хуже всего, был уже убелён сединами!

Монарх, видя, что все его усилия тщетны, решил расположить к себе дуэнью, которая была пленена вместе с девой. От рождения она была андалузкой, но её христианское имя было забыто, а в мавританских легендах она упоминается не иначе, как благоразумная Кадига, и таковой она была на самом деле, о чём свидетельствует её история. Сразу же после секретного разговора с мавританским монархом, она увидела всю справедливость его рассуждений и взялась уладить его дело с молодой госпожой.

— Да послушай же! — говорила она ей. — Какой толк плакать и грустить? Не лучше ли стать хозяйкой этого прекрасного дворца, с его садами и фонтанами, чем сидеть взаперти в старой пограничной крепости твоего отца? И что за беда, что Мохамед неверный? Ведь ты выйдешь замуж за него, а не за его религию. А если он немножко старый, так тем скорее ты станешь вдовой и будешь сама себе хозяйка. В любом случае, ты находишься в его власти и станешь или королевой, или рабыней. Когда находишься в руках вора, то лучше продать свой товар по хорошей цене, а не ждать, когда его отнимут у тебя силой.

Слова благоразумной Кадиги возымели своё действие. Испанская дева осушила свои слёзы и стала супругой Мохамеда — Левши. Она даже примирилась, внешне, с верой своего царственного супруга, а её верная дуэнья немедленно превратилась в ревностную поборницу мусульманской религии. Вот тогда-то она и получила арабское имя Кадига и разрешение оставаться наперсницей своей госпожи.

По прошествии времени, мавританский монарх стал гордым и счастливым отцом трёх очаровательных дочерей, одновременно появившихся на свет. Он желал бы, чтобы это были сыновья, но утешал себя мыслью о том, что иметь тройню прекрасных дочерей было уже достаточно хорошо для человека его лет, да ещё и левши!

В соответствии с обычаем всех мусульманских монархов, по такому важному случаю он созвал своих придворных звездочётов. Они посоветовались над астральными картами трёх новорождённых и покачали головами:

— Дочери, о повелитель, — сказали они, — всегда были ненадёжной собственностью; но этим ещё больше понадобится твоя неусыпная забота, когда они достигнут брачного возраста. Когда придёт этот день, спрячь их под своим крылом и не доверяй их никому.

Мохамед – Левша был признан своими придворными мудрым правителем и сам, естественно, считал себя таковым. Поэтому предсказания звездочётов лишь слегка обеспокоили его. Он надеялся на свою изобретательность, чтобы спасти дочерей и обмануть Судьбу.

Тройняшки были последним матримониальным трофеем монарха; султанша не принесла ему больше детей и через несколько лет умерла, доверив своих малолетних дочерей его любви и заботам верной Кадиги.

Много лет ещё должно было пройти, прежде чем принцессы достигли бы опасного момента – возраста замужества. “Однако, меры предосторожности следует принять заранее”, — сказал предусмотрительный монарх и решил, что дочери его будут воспитываться в королевском дворце в Салобренье. Это было великолепное здание, находящееся внутри непобедимой мавританской крепости на вершине холма, возвышающегося над Средиземным морем. Дворец представлял из себя уединённое королевское убежище, где монархи скрывали таких своих знакомых и родственников, которые могли бы поставить под угрозу монаршую безопасность, позволяя им всевозможную роскошь и развлечения,

среди которых и они проводили свою жизнь в сладострастном бездельи.

Здесь и поселились принцессы, отдалённые от мира, но окружённые развлечениями и обслуживаемые рабынями, которые предупреждали каждое их желание. Для отдыха у них был приятнейший сад, наполненный самыми редкими фруктами и цветами, с ароматными аллеями и благовонными банями. С трёх сторон замка открывался вид на богатую долину, покрытую, как глазурью, полями и садами, со всевозможными посевами, деревьями и цветами, и окружённую высочайшими горами Альпухарры; а с четвёртой стороны — на широкое, залитое солнцем море.

В этом восхитительном месте, в благоприятном климате и под безоблачным небом три принцессы превратились в удивительных красавиц и, хотя все воспитывались одинаково, они отличались по характеру. Их звали Сайда, Сорайда и Сорахайда. И таков же был порядок их старшинства, поскольку между рождением каждой из них было ровно три минуты.

Сайда, самая старшая, обладала твёрдым духом и во всём опережала своих сестёр, также, как она сделала, первой появившись на свет. Она была любопытной и любознательной, ей нравилось добираться до сути вещей.

У Сорайды было глубокое чувство красоты, которое, несомненно, являлось причиной того, что она любила разглядывать своё лицо в глади фонтана, обожала цветы, драгоценности и другие украшения хорошего вкуса.

Что касается Сорахайды, самой младшей из сестёр, то она была мягкая, робкая и крайне чувствительная, с огромным запасом нежности для всех, что можно было ясно увидеть по огромному количеству цветов, птичек и всевозможных животных, о которых она заботилась с бесконечной лаской. Её развлечения были также самого мягкого свойства и были связаны с медитациями и мечтаниями. Она могла часами сидеть летней ночью на балконе, глядя на искрящиеся звёзды или на освещённое луной море. В такие моменты песня рыбака, едва слышимая с дальнего пляжа, или звуки мавританской флейты со скользящей по морю лодки были

способны довести её чувства до вершин экстаза. Но, вместе с тем, наименьшее волнение в Природе наполняло её душу смятением, а удара грома было достаточно, чтобы её бросило в дрожь.

Так проходили годы, тихо и спокойно. Благоразумная Кадига, попечению которой были доверены принцессы, оправдывала доверие и окружала их неустанной заботой.

Как уже было сказано, крепость в Салобренье была построена на холме над морем. Одна из её крепостных стен тянулась вокруг холма и доходила до отвесной скалы, нависавшей над морем, у подножия которой был узкий песчаный пляж, омываемый набегавшими одна на другую пенистыми волнами. На вершине этой скалы была построена дозорная башня в виде павильона с забранными решётками окнами, пропускавшими свежий морской воздух. Здесь принцессы обычно проводили знойные полдневные часы.

Любознательная Сайда сидела, однажды, на одном из окон павильона, в то время как её сёстры, раскинувшись на оттоманках, отдыхали во время сиесты. Её внимание было привлечено галерой, скользившей вдоль берега под размеренные удары вёсел. Когда судно подошло ближе, она увидела, что оно заполнено вооружёнными людьми. Галера бросила якорь у подножия башни, и из неё высадилось множество мавританских солдат, сопровождавших нескольких христианских пленников. Любопытная Сайда разбудила своих сестёр, и все три стали смотреть сквозь плотные прутья решётки, скрывающей их от посторонних глаз. Среди пленников было трое богато одетых испанских кавалеров. Они цвели молодостью и отличались благородной наружностью, а возвышенная манера, с которой они держали себя, хотя и были обременены цепями и окружены врагами, говорила о величии их души. Принцессы, почти не дыша, с огромным интересом наблюдали за сценой. Содержавшиеся взаперти в своём дворце, окружённые женской прислугой, никогда не видевшие других мужчин, кроме чёрных рабов и грубых рыбаков с побережья, они, и это не удивительно, были лишены покоя при появлении трёх галантных кавалеров в блеске юности и мужественной красоты.

— Ступал ли когда – нибудь по земле человек более благородный, чем тот кавалер в малиновом? – воскликнула Сайда, старшая из сестёр. – Смотрите как гордо он ступает, как будто все вокруг — его рабы!

— Взгляните вон на того – в зелёном! – воскликнула Сорайда. Какая грация! Какая элегантность! Какой возвышенный образ!

Кроткая Сорахайда ничего не сказала, но отдала тайное предпочтение кавалеру в голубом.

Принцессы продолжали жадно наблюдать за пленниками до тех пор, пока они не исчезли из вида; тогда, грустно вздыхая, они отвернулись от окна, посмотрели друг на друга и уселись, задумчивые, на оттоманках.

В таком состоянии и нашла девушек благоразумная Кадига. Они рассказали ей всё, что видели, и даже высохшее сердце дуэньи смягчилось.

— Несчастные молодые люди! – воскликнула она. — Клянусь, что их пленение превратило в пепел сердца многих прекрасных и благородных дам их родной страны! Ах, детки мои, вы и не представляете, какую жизнь ведут такие кавалеры в своих странах! Какая элегантность на турнирах! Какое поклонение дамам! Какое ухаживание и серенады!

Любопытство Сайды было крайне раззадорено; она была неустанна в расспросах и выведала у дуэньи самые занимательные случаи и эпизоды из её юности на её родине. Прекрасная Сорайда подняла головку и хитро посмотрела на себя в зеркало, когда речь зашла о чарах испанских дам, в то время как Сорахайда подавила вздох при упоминании о пении подлунных серенад.

Каждый день любопытная Сайда возобновляла свои расспросы, и каждый день многосведущая дуэнья повторяла свои рассказы, которые воспринимались прекрасными слушательницами с глубоким интересом и с частыми вздохами. Осторожная старая женщина, наконец, заметила, что своими рассказами она вредит своим подопечным. Она привыкла думать о принцессах как о детях, но они незаметно выросли

у неё на глазах и превратились в трёх прекрасных девушек брачного возраста.

— Пора предупредить монарха, — подумала дуэнья.

Однажды утром Мохамед—Левша сидел на диване в одном из прохладных залов Аламбры, когда во дворец прибыл раб из Салобреньи с письмом от осторожной Кадиги, поздравлявшей его с днём рождения его дочерей. Одновременно с этим, он доставил монарху тонкой работы маленькую корзинку, украшенную цветами. Внутри корзинки, на подушке из виноградных и фиговых листьев, лежали персик, абрикос и нектарин, свежесть, приятный цвет и зрелость которых являли собой воплощение соблазна. Монарх был сведущ в восточном языке фруктов и цветов и сразу же догадался о значении этой символической корзинки.

— Итак, — сказал он, — критический момент, указанный звездочётами, наступил. Дочери мои достигли брачного возраста. Что мне следует предпринять? Они скрыты от глаз мужчин, за ними смотрит благоразумная Кадига. Всё очень хорошо, но они не перед моими глазами, как советовали звездочёты. Я должен укрыть их под своим крылом и не доверять их никому.

Сказав так, он приказал приготовить одну из башен Аламбры для приёма дочерей и, во главе охранников, отправился в Салобренью, чтобы лично доставить их домой.

Пролетело почти три года с тех пор, как Мохамед видел своих дочерей в последний раз, и он едва мог поверить своим глазам, глядя на удивительные перемены, которые произошли с ними за это короткое время. За это время они перешли ту удивительную границу, которая делит женскую половину человечества на неоперившихся, несформировавшихся и беззаботных девочек и на цветущих, смущающихся, задумчивых женщин. Это сравнимо лишь с переходом от бесплодных, пустынных, безыntересных равнин Ла Манчи к роскошным долинам и цветущим холмам Андалусии. Сайда была высока, прекрасно сложена, с гордыми манерами и проникновенными глазами. Она подошла к Мохамеду уверенной и твёрдой походкой и сделала перед ним глубокий реверанс, относясь к нему более как к своему монарху, чем как к отцу. Сорайда была

среднего роста, с обольстительным взором и плывущей походкой, её искрящаяся красота подчёркивалась её туалетом. Она приблизилась к отцу с улыбкой, поцеловала его руку и поприветствовала его несколькими хвалебными стихами популярного арабского поэта, которым восхищался монарх. Сорахайда была робкой и скромной, ниже ростом, чем её сёстры, с красотой того нежного, умоляющего типа, который нуждается в любви и защите. Ей не шло быть такой решительной, как её старшая сестра, она не была такой ослепительно красивой, как средняя, но была создана для того, чтобы своей любовью разбудить нежность в мужском сердце, лелеять её в своей душе и чувствовать себя от этого счастливой. Она приблизилась к отцу робкой походкой, почти спотыкаясь, и взяла было его руку, чтобы поцеловать её, но, взглянув в его лицо и увидев, что оно лучится отцовской улыбкой, она бросилась ему на шею, влекомая всей той нежностью своего сердца, которой одарила её природа.

Мохамед-Левша смотрел на своих дочерей со смешанным чувством гордости и замешательства, ибо, ликуя при виде очарования своих дочерей, он одновременно вспоминал предсказание звездочётов.

— Три дочери! Три дочери, — пробормотал он неожиданно, — и все — брачного возраста! Вот он, искушающий плод из сада Гесперид, который требует дракона для своей охраны!

Он приготовился к возвращению в Гранаду, выслав вперёд гонцов с приказом гнать всех прочь с той дороги, по которой он должен был проехать, и проследить, чтобы были заперты все окна и двери при приближении принцесс. После того, как всё было исполнено, он отправился в путь в сопровождении отряда одетых в чёрное и закованных в сияющие латы всадников ужасного вида.

Принцессы, закрытые плотными вуалями, ехали рядом с отцом на маленьких лошадаках, покрытых бархатными попонами, вышитыми золотом и достающими до земли; уздечки и стременные ремни были из золота, а шёлковые уздечки — украшены жемчугом и драгоценными камнями. Лошадки были увешаны маленькими серебряными колокольчиками, которые производили самый

мелодичный звон, в то время как процессия медленно продвигалась вперёд. Однако, беда тому несчастному, который замешкался в пути, услышав звон этих колокольчиков! Охранникам было приказано убивать без всякой жалости.

Кавалькада уже приближалась к Гранадe, когда, на берегу реки Хениль, столкнулась с маленьким конвоем мавританских солдат, ведущих пленников. Солдатам было уже слишком поздно уйти с дороги, поэтому они бросились лицом вниз, приказывая своим пленникам сделать то же самое. Среди пленных находились те самые три кавалера, которых принцессы видели из павильона. Они или не поняли, или были слишком гордыми, чтобы послушаться приказа, и продолжали стоять, смотря на приближающуюся кавалькаду.

Кровь бросилась в голову монарха при таком ужасном неподчинении своему приказу. Выхватив свою кривую саблю и бросившись вперёд, он был уже готов нанести удар своей левой рукой — удар, который был бы роковым, по крайней мере, для одного из пленников, когда принцессы окружили отца, умоляя его пощадить пленников; даже робкая Сорахайда забыла о своих страхах и проявила завидное красноречие, защищая их. Мохамед остановился с поднятым оружием, когда начальник караула бросился ему в ноги:

— Не совершайте, Ваше Величество, — воскликнул он, — того поступка, который может вызвать большой скандал во всём государстве. Эти три храбрых и благородных христианских рыцаря были захвачены в битве, где они сражались как львы; они благородного происхождения, и за них могут заплатить богатый выкуп.

— Довольно, — сказал царь, — я пощажу их жизни, но они должны быть наказаны за высокомерие. Отведите их в Алые Башни¹ и дайте самую тяжёлую работу.

Мохамед опять взялся за палку не с того конца и допустил обычную для него сумасбродную ошибку. В замешательстве и в

¹ Их оригинальное название — *Torres Bermejas* (Прим. Ред.).

возбуждении от этой бурной сцены три пленницы откинули свои вуали, и сияющая их красота явилась миру, а длительность диалога позволила ей засверкать со всей силой. В прошлые времена, как свидетельствуют старинные рассказы, люди влюблялись гораздо быстрее, чем сейчас. Поэтому неудивительно, что сердца рыцарей были совершенно покорены, особенно когда к восхищению добавилась и благодарность, которую они чувствовали за спасение своих жизней. Несколько необычно, хотя и абсолютно достоверно, что сердце каждого из них было завоёвано различной красавицей. Что касается принцесс, то они были более, чем когда-либо, поражены благородным поведением пленников, вспоминая с нежностью всё, что они услышали об их мужестве и благородном происхождении.

Кавалькада возобновила своё путь; три принцессы задумчиво ехали на своих позванивающих лошадках, время от времени украдкой оглядываясь назад в надежде ещё раз увидеть христианских пленников, которых, тем временем, вели в назначенную для них тюрьму в Алых Башнях.

Резиденция, приготовленная для принцесс, была самой изящной, какую только может создать человеческое воображение. Это была башня, несколько отдалённая от главного дворца Аламбры, хотя и связанная с ней стеной, окружавшей всю вершину холма. С одной стороны она смотрела внутрь крепости, и у подножия её располагался цветник, заполненный самыми редкими цветами. Другая сторона башни возвышалась над глубоким обрывистым ущельем, отделявшим территорию Аламбры от Хенералифе.

Внутри башня была разделена на прекрасные маленькие комнаты, великолепно украшенные в элегантном арабском стиле. Жилые помещения располагались вокруг высочайшего зала, куполообразный потолок которого почти достигал верхней части башен. И стены и потолок зала были украшены арабесками и резьбой, сверкавшими золотой и бриллиантовой росписью. В центре мраморного пола зала находился алебастровый фонтан, окружённый благоухающими кустами и цветами и выбрасывающий высокие струи воды, которые освежали всё здание и плеск которых походил на

убаюкивающий шёпот. По всему залу были развешены клетки из золотой и серебряной проволоки с певчими птицами самой изысканной расцветки и самых нежных трелей.

Живя в крепости Салобреньи, принцессы всегда были веселы, поэтому монарх ожидал увидеть их воодушевлёнными в Аламбре. Однако, к его удивлению, они стали чахнуть и печалиться и были недовольны всем, что их окружало. Они не получали наслаждения от аромата цветов, пение соловья мешало их ночному сну, и они терпеть не могли постоянное бормотание алебастрового фонтана, с утра до ночи и с ночи до утра.

Король, имевший несколько вспыльчивый и даже тираннический характер, сначала рассердился из-за всего этого, но потом рассудил, что его дочери достигли того возраста, когда женский разум созревает и его желания умножаются. “Они больше не дети, — сказал он себе, — они превратились в женщин, и, чтобы их заинтересовать, требуются соответствующие вещи”. Тогда он подверг опустошению лавки всех портных, ювелиров и золотых дел мастеров Сакатина в Гранаде, и принцессы были завалены одеждой из шёлка, замши и парчи, кашемировыми шальями и ожерельями из жемчуга и бриллиантов, кольцами и браслетами для рук и ног и другими прекрасными вещами.

Однако, всё было напрасно; они оставались бледными, не выходили из своих комнат и выглядели, как три вянущих розовых бутона, поникших на своих стебельках. Король безуспешно ломал голову над происходившим. Обычно он полностью доверял своему разуму и никогда не просил совета. “Однако, причуды и капризы трёх дев брачного возраста, — сказал он себе, — кого угодно приведут в замешательство”. Поэтому первый раз в жизни он решил прибегнуть к чужому совету.

Персона, к которой он обратился, была многоопытная дуэнья.

— Кадига, — сказал царь, — я знаю тебя как одну из самых благоразумных женщин в целом мире, а так же и как одну из самых достойных моего доверия; поэтому я всегда желал, чтобы ты

продолжала служить моим дочерям. Отцы никогда не должны быть слишком скрытными с теми, кому они всецело доверяют. Поэтому я прошу тебя разузнать, какой такой тайный недуг мучает принцесс, и придумать средство, которое могло бы вернуть им здоровье и жизнерадостность.

Кадига обещала выполнить всё, о чём он просил. В действительности, она знала лучше самих принцесс ту болезнь, которой они были подвержены. И тем не менее, она созвали их и попыталась завоевать их доверие.

— Мои дорогие девочки, — спросила она, — почему вы так подавлены и печальны в таком красивом месте, где есть всё, чего только душа пожелает?

Принцессы меланхолично поглядели вокруг и вздохнули.

— Чего ещё вы можете желать? Хотите, я принесу вам удивительного попугая, говорящего на всех языках и являющегося одним из чудес Гранады?

— Какой ужас! — воскликнула Сайда. — Противная крикливая птица, которая повторяет слова без смысла; надо полностью лишиться разума, чтобы терпеть подобную вредительницу.

— Может быть послать за обезьянкой с Гибралтара, чтобы вы развлеклись её гримасами?

— Обезьяна? Фу! — воскликнула Сорайда. — Отвратительная подражательница! Ненавижу это противное животное.

— А что вы скажете об известном чёрном певце Касиме из королевского гарема в Марокко? Говорят, что его голос так же прекрасен, как и женский.

— Меня ужасает один вид этих чёрных рабов, — сказала нежная Сорахайда, — кроме того, я больше не получаю наслаждения от музыки.

— Ах, дитя моё! Ты бы так не говорила, — лукаво ответила старая женщина, — если бы услышала песню, которую слышала я от испанских кавалеров, встреченных нами во время поездки! Но боже мой, дочки! Что с вами случилось? Почему вы так покраснели и засмутились?

— Ничего, ничего, добрая матушка! Умоляем тебя, продолжай!

— Так вот, когда я вчера проходила мимо Алых Башен, увидела трёх кавалеров, отдохавших после дневного тяжёлого труда. Один играл на гитаре, так мило, а двое других по очереди пели, да так, что даже охранники, казалось, превратились в статуи или были околдованы. Прости меня, Аллах! Я не могла не растрогаться, слушая песню моей родной страны. К тому же мне было тяжело видеть благородных и прекрасных юношей в цепях и рабстве!

Здесь добросердечная старая женщина не смогла удержаться от слёз.

— Матушка, может быть тебе удастся помочь нам взглянуть на этих кавалеров? — сказала Сайда.

— Я думаю, — сказала Сорайда, — что немного музыки могло бы нас оживить.

Робкая Сорахайда ничего не сказала, только обвила руками шею верной Кадиги.

— Господь меня помилуй! — воскликнула старая женщина. — О чём вы говорите, дети мои? Ваш отец покарает нас всех смертью, если услышит, о чём мы здесь разговариваем. Очевидно, что эти кавалеры хорошо воспитаны и чисты помыслами, но что с того? Они враги нашей веры, и вы не должны думать о них иначе, как с отвращением.

Женщины, особенно женщины брачного возраста, обладают иногда восхитительным бесстрашием, которое нельзя удержать ни запретами, ни предупреждениями об опасности. Принцессы окружили старую дуэнью и стали её задабривать, умолять и заявлять, что отказ разобьёт их сердца.

Что было ей делать? Она действительно была самой благоразумной женщиной в целом мире и одной из самых преданных среди слуг монарха, но неужели она могла допустить, чтобы сердца трёх принцесс были разбиты из-за простого звона гитары? Кроме того, хотя она и жила так долго среди мавров и изменила свою веру, подражая своей госпоже как верная её служанка, она всё-таки родилась испанкой, и в её сердце жила христианская вера. Поэтому она стала думать, как бы исполнить желание принцесс.

Христианские пленники, жившие в Алых Башнях, находились на попечении широкоплечего, с огромными бакенбардами *renegado*¹, по имени Хуссейн Баба, имеющего репутацию человека, которого легко подкупить. Кадига тайно пошла к нему и, незаметно сунув ему в руку большую золотую монету, сказала:

— Хуссейн Баба, мои госпожи, три принцессы, которые заперты в Башне, очень грустны и желают развлечений, они слышали о музыкальных талантах трёх испанских кавалеров и изъявили желание познакомиться с их искусством. Я уверена, что ты слишком добросердечен, чтобы отказать им в таком пустячном утешении.

— Что? А потом моя голова будет торчать на шесте над моей собственной башней, ибо таково будет моё вознаграждение, если царь обо всём узнает.

— Об этом нечего беспокоиться, здесь нет никакой опасности. Всё можно устроить так, что прихоть принцесс будет исполнена, а их отец никогда ни о чём не догадается. Ты знаешь глубокий овраг за крепостной стеной, находящийся прямо под Башней? Поставь христиан работать там, а во время отдыха заставь их петь, как будто для своего собственного удовольствия. Таким образом, принцессы смогут услышать их пение из окон своей Башни, а ты можешь быть уверен в хорошем вознаграждении за это выполнение их каприза.

Когда старая женщина завершила свою страстную речь, она мягко пожала шершавую руку *renegado* и оставила в ней вторую золотую монету.

Её красноречие было неотразимо. На следующий же день три кавалера работали в овраге. Во время полуденной жары, когда их товарищи по работе спали в тени, а охранники сонно клевали носом на своём посту, христианские пленники устроились на траве у подножия Башни и, под аккомпанемент гитары, стали петь испанские мелодии.

Ущелье было глубоким, башня — высокой, но их голоса ясно раздавались в покое и тишине летнего полдня. Принцессы

¹ изменника (исп.). – Прим. ред.

слушали их со своего балкона. Дуэнья обучила их испанскому языку, и они были тронуты нежностью песни. Благоразумная Кадига, напротив, была ужасно встревожена.

— Аллах! Спаси нас! — вскричала она. — Они поют любовные куплеты, обращённые к вам. Слыхивал ли кто—нибудь о подобной дерзости? Я сейчас же побегу к надсмотрщику, чтобы их наказали палками.

— Как? Бить палками таких галантных кавалеров за их нежные песни?

Три прекрасные принцессы пришли в ужас от такой идеи. Но, несмотря на всё своё достойное возмущение, старая женщина была миролюбивой и обладала весьма отходчивым характером. Кроме того, музыка, как видно, оказала на молодых сеньор благоприятное воздействие. Их щёки опять зацвели розами, а глаза вновь заблестели. Поэтому она больше не препятствовала любовному пению благородных кавалеров.

Когда пение закончилось, принцессы остались на некоторое время безмолвными; наконец, Сорайда взяла лютню и нежным, хотя слабым и взволнованным голосом, издавая трели, как птичка, спела маленькую арабскую песенку, припевом которой было:

Роза прячется в своих лепестках,
Но наслаждается пением соловья.

С тех пор, кавалеры всё время работали в овраге. Благоразумный Хуссейн Баба становился всё более снисходительным и всё более сонливым на своём посту. В течение некоторого времени продолжалось это таинственное общение через народные песни и романсы, состоящее, в сущности, в раскрытии чувств одних другим. Постепенно принцессы стали появляться на балконе, когда их не могли видеть стражники. Они разговаривали с кавалерами на символическом языке цветов — наречии, которое всем им было хорошо знакомо. Трудности придавали очарование их общению и усиливали их страсть, которую они постигали таким особым образом, ибо любовь обожает трудности и процветает вопреки им на самой каменистой почве.

Изменение, произошедшее во взорах и настроении принцесс в течение этого тайного общения, удивило и обрадовало короля—левшу, но никто так не радовался, как благоразумная Кадига, считавшая, что всем этим они обязаны её умелому и осторожному ведению дела.

Но вот, наступил перерыв в этом телеграфном общении, поскольку в течение нескольких дней кавалеры не появлялись в овраге. Напрасно выглядывали из башни три прекрасные принцессы; напрасно вытягивали они с балкона свои лебединые шеи; напрасно пели они, как соловушки в клетке: их христианские возлюбленные не появлялись, из рощ не доносилось в ответ ни звука. Верная Кадига бросилась выяснять причины происходящего и вернулась с лицом, полным тревоги.

— Ах, детки мои! Я знала, к чему это всё приведёт, но вы думали по-другому! Можете повесить свои лютни на иву. Семьи испанских кавалеров заплатили выкуп. Они сейчас внизу, в Гранаде, и готовятся вернуться в свою родную страну.

Три прекрасные принцессы были в отчаянии от таких новостей. Справедливая Сайда была возмущена пренебрежением, выказанным им со стороны кавалеров, поскольку они, оставив принцесс, даже не попрощались с ними. Сорайда заламывала руки и плакала; посмотрев в зеркало, она смахивала слёзы и снова начинала горько плакать. Нежная Сорахайда неслышно плакала, склонившись с балкона, и слёзы её падали на скамейку среди цветов, где так часто сидели вероломные кавалеры.

Благоразумная Кадига делала всё, что только можно, чтобы унять их печаль.

— Успокойтесь, дети мои, — говорила она, — в этом нет ничего особенного, когда привыкнешь. Такова жизнь. Ах! Когда вы будете такими же старыми, как я, вы узнаете, чего стоят мужчины. Я уверена, что у этих кавалеров есть испанские возлюбленные в Кордове и Севилье, и скоро они будут петь серенады под их балконами и думать забудут о мавританских красавицах из Аламбры. Поэтому успокойтесь, девочки мои, и вырвите их из своих сердец.

Слова верной Кадиги только усилили тоску трёх принцесс,

и в течение двух дней они оставались неутешными. Утром третьего дня старая женщина вошла в их комнаты, вся дрожа от возмущения.

— Кто бы мог подумать, что смертные мужчины способны на подобную наглость! — воскликнула она, как только нашла слова, чтобы выразить свои чувства. — Так мне и надо за то, что я обманывала доверие вашего достойного отца. Никогда больше не говорите мне об испанских кавалерах!

— Почему? Что случилось, добрая Кадига? — воскликнули принцессы, едва дыша от волнения.

— Что случилось? Государственная измена — вот что случилось! И что хуже всего, это предательство было предложено мне — вернейшей из дуэний! Да, дети мои, испанские кавалеры осмелились тайно предложить мне, чтобы я уговорила вас бежать с ними в Кордову и стать их жёнами!

Здесь честнейшая старая женщина закрыла лицо руками и дала волю своему горю и негодованию. Три прекрасные принцессы то бледнели, то краснели, дрожа потупляли взор и бросали робкие взгляды друг на друга, но ничего не говорили. Тем временем, старая женщина сидела, качаясь взад и вперёд в сильнейшем волнении, время от времени восклицая:

— Неужели я прожила всё это время для того, чтобы получить такое оскорбление! Я! Самая верная из всех слуг!

Наконец, старшая из принцесс, обладавшая наиболее твёрдым духом и всегда бравшая инициативу на себя, приблизилась к ней и, положив руки ей на плечи, сказала:

— Хорошо. Мать наша, предположим, что мы согласны бежать с испанскими кавалерами. Такой побег возможен?

Старая добрая женщина внезапно остановилась в своей безутешности и, подняв глаза, отозвалась эхом:

— Возможен? Будьте уверены, что возможен. Ведь кавалеры уже подкупили Хуссейна Баба, капитана караула, и организовали всё остальное! Но подумайте о том, что вы хотите обмануть вашего отца, отца, который оказал мне такое доверие!

Здесь достойная женщина с новой силой предалась своему

отчаянью, и начала снова раскачиваться вперёд и назад, и заламывать руки.

— Но наш отец всегда доверял нам меньше, чем решёткам и запорам, — сказала старшая принцесса, — и всегда обращался с нами, как с пленницами.

— Да, это правда. — ответила старая женщина, вновь прервав свои рыдания. — Он действительно неразумно обращается с вами, держа взаперти в старой, мрачной башне, где вянет ваша свежесть, как цветение роз, стоящих в цветочном кувшине. Но всё таки, бежать из вашей родной страны!

— А разве страна, куда мы хотим бежать и где мы сможем жить на свободе, не является родной страной нашей матери? И разве не будет у каждой из нас по молодому мужу вместо старого сурового отца?

— Да, всё это правда. Отец ваш, должна признать, довольно жесток, но как только я подумаю, — опять погружаясь в тоску, запричитала она, — что вы оставите меня, и я должна буду принять на себя все удары его мести...

— Ни в коем случае, моя добрая Кадига, разве ты не можешь бежать вместе с нами?

— Конечно же да, дитя моё. По правде сказать, когда я обсуждала всё дело с Хуссейном Баба, он обещал позаботиться обо мне, если бы я собралась сопровождать вас в побеге. Но подумайте, деточки мои, разве хотите вы отказаться от веры вашего отца?

— Христианская вера была первоначальной верой нашей матери, — ответила старшая из принцесс, — и я готова принять её, так же, как и мои сёстры.

— Ты опять права! — воскликнула старая женщина, прося. — Да, это первоначальная вера твоей матери, и она горько сожалела, что оставила её. Я пообещала ей позаботиться о ваших душах и рада, что теперь они на верном пути к спасению. Да, дети мои, я тоже была рождена христианкой и в душе остаюсь её, поэтому я решила вернуться к моей вере. Я уже поговорила об этом деле с Хуссейном Баба, который по рождению тоже испанец и

жил в посёлке, находящемся недалеко от моего родного города. Он тоже страстно желает увидеть свою родину и вернуться в лоно христианской церкви; а кавалеры пообещали, что если мы, возвратясь в родную страну, поженимся, то они устроят нам обеспеченную жизнь.

Одним словом, оказалось, что эта в высшей степени достойная и проникательная женщина поговорила уже с кавалерами и *renegado* и уточнила все детали плана побега. Старшая принцесса сразу же приняла его, а её примеру, как обычно, последовали и её две сестры. Правда, младшая колебалась, потому что она была очень нежной и робкой и в её душе шла борьба между дочерним чувством и юной страстью; однако, последняя, как обычно, одержала победу, и, с тихими слезами и сдерживаемыми рыданиями, младшая принцесса тоже начала готовиться к побегу.

В каменистом холме, на котором построена Аламбра, в древние времена было пробито множество коридоров, ведущих от крепости во все части города и к берегам рек Дарро и Хениль. Они были построены в разное время различными мавританскими монархами на случай побега при неожиданном нападении или тайных вылазок по личным делам. Множество коридоров было засыпано, хотя некоторые сохранились и до нашего времени, частично заваленные мусором, частично с обрушившимися стенами – памятники ревностных предосторожностей и военной стратегии мавританских правительств. По одному из этих коридоров Хуссейн Баба и взялся провести принцесс к лазу под городской стеной, где их должны были ожидать кавалеры с быстрыми скакунами, чтобы убежать за границы государства.

Наступила назначенная ночь; башня принцесс, как обычно, была заперта и Аламбра погрузилась в глубокую тишину. В полночь верная Кадига вышла на балкон, выходящий в сад, и начала прислушиваться к ночным звукам; Хуссейн Баба был уже внизу и подал условный знак. Дуэнья привязала лестницу к балкону, опустила её в сад и спустилась по ней на землю. Две старшие принцессы последовали за ней с бьющимися от волнения сердцами, но когда пришла очередь младшей, Сорахайды, она заколебалась и

задрожала. Несколько раз ставила она нежную маленькую ножку на лестницу и сразу же убирала её, и чем больше она медлила, тем больше сжималось её сердце. Она бросила тоскливый взгляд на убранную шелками комнату; она жила в ней, как птичка в клетке, но была в безопасности. Кто может сказать, какие тревоги ожидают её, если она решится броситься без оглядки в открытый мир? Она думала о своём галантном христианском кавалере, и её маленькая ножка немедленно оказывалась на лестнице, но потом снова думала об отце и отступала в комнату. Однако, все попытки описать душевную борьбу молодой, нежной и влюблённой, хотя и робкой и незнакомой с внешним миром девушки, будут тщетны.

Напрасно сёстры её умоляли, дуэнья журила, а *renegado* богохульствовал под балконом; нежная маленькая мавританская девушка стояла, сомневаясь и колеблясь, на границе побега к любимому, соблазнённая сладостью греха, но ужасающаяся его последствий.

Опасность быть обнаруженными увеличивалась с каждой секундой. Вдали послышались тяжёлые шаги.

— Патруль начал делать обход! — воскликнул *renegado*. — Если мы ещё помедлим, мы пропали! Принцесса, или немедленно спускайтесь, или мы вас оставляем.

Сорахайда пришла в страшное возбуждение; потом, отвязав лестницу, с отчаянной решительностью она отбросила её от балкона.

— Решено! — крикнула она. — Сейчас побег уже не в моей власти. Аллах храни и благослови вас, сёстры мои!

Две старшие принцессы были поражены мыслью оставить её и хотели подождать ещё немного, но патруль приближался, *renegado* был в ярости, и они поспешили к подземному коридору. Они пустились в путь по ужасному лабиринту, прорубленному в центре горы, и, двигаясь по нему, незамеченными дошли до железной решётки, которая открывалась с внешней стороны крепостных стен. Испанские кавалеры уже ждали их там, переодетые в мавританских солдат охраны, находившихся под командой *renegado*.

Возлюбленный Сорахайды был близок к безумию, когда узнал, что она отказалась покинуть башню, но времени на сожаления не было. Принцессы уселись на коней за спинами своих возлюбленных, Кадига поместилась за спиной *renegado*, и все стремительно помчались по направлению к Проходу Лопе, который вёл через горы в Кордову.

Они отъехали совсем недалеко, когда услышали звуки барабанов и труб с крепостных стен Аламбры.

— Наш побег раскрыт! — сказал *renegado*.

— У нас быстрые кони, ночь темна, и мы сможем уйти от любой погони, — возразили христианские кавалеры.

Они пришпорили своих скакунов и стрелой помчались по долине. Когда они достигли подножия гор Эльвира, возвышающихся, как великан, посередине равнины, *renegado* остановился и прислушался.

— Пока что нас никто не преследует, — сказал он, — и мы сможем удачно скрыться в горах.

Пока он говорил, зажёгся яркий свет на одной из сторожевых башен Аламбры.

— Проклятье! — крикнул *renegado*. — Этот огонь всполошит всех стражников на горных тропинках. Вперёд! Вперёд! Гоните, как сумасшедшие, мы не можем терять ни минуты!

Они рванулись прочь. Стук копыт их коней эхом передавался от скалы к скале, когда они мчались по дороге, выходящей вокруг горы Эльвира. В то время как они скакали, яркому огню из Аламбры ответило множество таких же костров, горевших во всех направлениях от неё; огонь за огнём вспыхивал на всех *atalayas*¹ в горах.

— Вперёд! Вперёд! — кричал *renegado*, повторяя это слово как заклинание. — К мосту! К мосту, прежде чем сигнал тревоги достигнет этих мест!

Они обогнули выступавшую гору и достигли известного *Puente de Pinos*², лежавшего поперёк бурной горной речки, часто

¹ Дозорных башнях (исп.).

² Соснового моста (исп.).

окрашивавшейся кровью и христиан и мусульман. К их смятению, дозорная башня моста сверкала яркими огнями и блестела доспехами солдат. *Renegado* вздыбил коня, поднялся в стремянах и, на мгновение, оглянулся назад; потом, кивком головы подозвав кавалеров, он свернул с дороги, проехал некоторое время вдоль берега реки и бросился с конём в её быстрые воды. Кавалеры призвали принцесс покрепче прильнуть к ним и сделали то же самое. Быстрое течение отнесло их на некоторое расстояние, но прекрасные принцессы не прекращали держаться за своих рыцарей и не проронили ни одного слова жалобы. Кавалеры успешно добрались до противоположного берега, и *renegado* повёл всех по дикой, заброшенной тропинке и обрывистым *barrancos*¹ прямо через сердце гор, чтобы избежать всех проезжих дорог. Одним словом, им удалось добраться до древней Кордовы, где возвращение их и их подруг было отпраздновано с большой радостью, ибо они происходили из самых знатных семей. Прекрасные принцессы были с благосклонностью приняты в лоно христианской церкви и, после совершения всех обрядов, превратились в истинных христианок, а потом и в счастливых жён.

Спеша рассказать об удачном преодолении реки и гор кавалерами и принцессами, мы забыли упомянуть о благоразумной Кадиге. Она вцепилась как кошка в Хуссейн Баба, когда они скакали через долину, вскрикивала при каждом повороте и выслушивала множество упрёков от *renegado* с огромными бакенбардами. Когда же он приготовился броситься в реку, ужас её перешёл все границы.

— Не обнимай меня так сильно, — кричал Хуссейн Баба, — держись за мой ремень и ничего не бойся!

Она крепко ухватилась за кожаный ремень, опоясывавший тучного *renegado*, но когда он остановился с рыцарями на вершине холма, чтобы перевести дух, её нигде не было видно.

— Что случилось с Кадигой? — в тревоге закричали принцессы.

¹ оврагам (исп.).

— Только Аллах знает! — ответил *renegado*. — На середине реки мой ремень расстегнулся, и Кадигу смыло волнами! Да сбудется воля Аллаха! Хотя это и был замшевый ремень большой ценности.

На пустые сожаления не было времени, но принцессы горько оплакивали потерю своей благоразумной советчицы. Однако, замечательная женщина потеряла в потоке лишь несколько из своих девяти жизней. Рыбак, который закидывал сети немного ниже по течению реки, вытащил её на берег, не мало удивлённый своим загадочным уловом. О том, что случилось с Кадигой дальше, легенда умалчивает; достоверно известно лишь одно: она проявила достаточно мудрости, чтобы никогда не показываться в пределах достижения Мухамеда—Левши.

Так же мало известно и о действиях проницательного монарха, когда он узнал о побеге своих дочерей и обмане одной из самых верных своих прислужниц. Это был единственный случай, когда он попросил чужого совета, и не известно больше ни одного случая, когда его можно было бы обвинить в такой слабости. Однако, он хорошо позаботился о том, чтобы уберечь свою оставшуюся дочь, которая не нашла в себе силы воли, чтобы бежать. Хотя, втайне, она сожалела, что осталась в Аламбре. Время от времени, её можно было видеть на балконе, скорбно глядящую на горы, в сторону Кордовы, а иногда звуки её лютни сопровождали короткие песенки, в которых она говорила, что сожалеет о потере сестёр и возлюбленного и о том, что ведёт такую одинокую жизнь. Она умерла молодой и была похоронена, как говорят, в нише под башней, а её несчастная судьба послужила основой для множества народных сказаний.